

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

В. ПОЛТЕРОВИЧ

В. ПОЛТЕРОВИЧ,
академик РАН,
завлабораторией ЦЭМИ РАН,
первый проректор Российской экономической школы

ИНТЕРВЬЮИРУЯ САМОГО СЕБЯ

(О книге Яноша Корнаи «Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии»)*

Я начал заниматься экономикой в 1966 г. — на 10 лет позже Яноша. К тому времени я получил инженерное и математическое образование и проработал 4 года, проектируя системы автоматического регулирования. Моей основной темой в экономике стала децентрализация. Тогда новинкой были методы иерархического планирования, или на математическом языке — методы декомпозиции. Вскоре я узнал о двух наиболее известных подходах — процедурах Данцига—Вулфа и Корнаи—Липтака. После этого я старался читать все работы Яноша, а иногда даже получал их от самого автора. Мне доставляет особое удовольствие поделиться здесь своими впечатлениями о его новой книге.

Книга «Силой мысли» очень претенциозна, как, собственно, и большинство работ Корнаи. В ней поставлена поистине Сократова задача — познать самого себя, да еще в динамике. «Почему я так поступал?» — один из центральных вопросов, обсуждаемых автором.

Автобиография ученого такого масштаба, как Янош Корнаи, — бесценный материал для историков социалистического эксперимента и историков науки, потрясающее чтение для молодых и не очень молодых ученых. Но, кроме того, это исследование общих и весьма важных проблем на ограниченном, но необычайно интересном эмпирическом материале. Фактически книга состоит из десятков аналитических интервью, взятых автором у самого себя, активного наблюдателя и непосредственного участника многих драматических событий. Я и буду рассматривать эту работу как результат анализа «само-интервью» по четырем линиям, пронизывающим всю книгу: 1) психология авторитаризма; 2) проблемы этики при социализме (и капитализме); 3) идеология и экономическое исследование; 4) методология научного творчества. «Силой мысли» — книга, бесспорно, честная, но совсем не беспристрастная. И в конце я скажу о том, с чем не вполне согласен.

* Корнаи Я. Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии. М.: Логос, 2007. — 448 с. В основе данной рецензии — текст выступления на презентации книги Я. Корнаи в Венгерском культурном, научном и информационном центре в Москве 6 ноября 2007 г.

Психология авторитаризма

Ключевой вопрос задал Андраш — сын Яноша (с. 110): «Папа, ты же умный человек. Как ты мог быть таким дураком (веря в коммунизм. — В. П.)?». И в самом деле, как могли быть дураками миллионы людей? Каковы психологические механизмы авторитарного господства? Типичными являются три ответа: страх, корысть, вера.

Как авторитаризм воспитывает страхом, убедительно показал Дж. Оруэлл в книге «1984»: после серии издевательств главный герой «полюбил Большого Брата». Второй ответ не нуждается в комментариях. В третий ответ сейчас мало кто верит. А ведь вера значила не меньше, чем страх и корысть. Более того, она была первичной. Не следует забывать, что симпатии к сталинскому режиму испытывали тысячи интеллектуалов на Западе, среди них — Лион Фейхтвангер, Луи Арагон, Поль Элюар, Пабло Пикассо, Бернард Шоу. Корнаи блестяще показывает соблазняющую силу «научного» марксизма:

«Чем глубже я знакомился с марксизмом-ленинизмом, тем больше укреплялось во мне сознание того, что я держу в руках ключ к познанию мира. Какая бы проблема ни возникла, я обладаю знанием, с помощью которого смогу ее разрешить» (с. 50).

«Срабатывали защитные механизмы, описанные в теории когнитивного диссонанса: подавление информации, которая противоречит глубинным убеждениям, с целью убедить самого себя в сохранении изначальной картины мира и тем самым сохранить душевный покой» (с. 67).

А вот как описано разлагающее влияние авторитарной идеологии; в нижеприведенной цитате речь идет о том времени, когда Янош работал в главной коммунистической газете Венгрии:

«Читая собственные статьи (того времени. — В. П.) в хронологическом порядке, я не видел развития — скорее измельчание и интеллектуальное притупление... Я... механически выдавал на редакционный конвейер пустые тексты и переводил на приемлемый венгерский язык статьи товарищей из министерства... Умственное мое состояние было куда беднее, чем в 17 лет...» (с. 69).

Вначале была вера, но впоследствии появился и страх, а вместе с ним — и многочисленные этические проблемы. Корнаи как бы предупреждает тех, кто склонен игнорировать опыт предшественников, думая про дедов и родителей: «Они были дураками, а мы знаем, как надо». Автор неявно ставит проблему: где же противоядие от этой болезни? Я бы еще добавил, что существует децентрализованный авторитаризм — авторитаризм общественного мнения, жестко карающий за отклонения и ведущий, как и авторитаризм государственный, к формированию двойного сознания. Но это — тема для специального анализа.

Проблемы этики при социализме (и капитализме)

Сквозная для книги тема распадается на две: «Этические нормы и поведение личности» и «Этические нормы и хозяйственный механизм».

Этические нормы и поведение личности

Тем, кто никогда не жил при тоталитаризме, даже в голову не придет, над какими этическими проблемами мучились интеллигенты в «социалистических странах». А вот венгр и россиянин, которым за шестьдесят, понимают друг друга с полуслова. Детальное обсуждение этой темы потребовало бы слишком много места. Я ограничусь лишь перечислением наиболее драматических вопросов, иногда сопровождая их цитатами из книги или краткими собственными комментариями.

Участвовать ли в нелегальной деятельности? Корнаи ответил отрицательно:

«Отказывать другу, разделяющему твои политические убеждения, крайне неприятно. Как будто подводишь товарищей по оружию. Я не раз оказывался в такой ситуации: кто-то хотел, чтобы я написал статью в самиздат или подписал протестное письмо. Я последовательно отклонял все эти предложения. Мне хотелось сохранить право на выезд за рубеж... потому что каждое новое путешествие подтверждало: я стану полноправным представителем своей профессии, только если буду регулярно встречаться с западными коллегами» (с. 271).

Другой, возможно, более сильный мотив такого решения — боязнь не выдержать пыток и предать друзей (с. 131–132).

Как вести себя на допросах? Между прочим, в 1970-е годы в российском самиздате ходила памятка с таким названием. Я не буду цитировать Корнаи. Прочтите скупые рассуждения и изложение нескольких историй на с. 129–137. По-моему, «эффект присутствия» в данном случае сильнее любых художественных изысков. Это особенно важно для тех, кого никогда не допрашивали. А вот со следующей проблемой, мне, к счастью, столкнуться не пришлось.

Что делать с неопубликованной статьёй, если твой соавтор сидит в тюрьме? Речь идет о совместной работе Корнаи с математиком Тамашем Липтаком, впоследствии вышедшей под двумя фамилиями в «Эконометрике» — самом престижном западном экономическом журнале. Препринтный вариант Корнаи опубликовал со ссылкой на Институт математики вместо фамилии соавтора (с. 153). В молодости я бы, наверное, не решился на такое, а сейчас думаю, что Корнаи, возможно, был прав.

Самоцензура. При «социализме» с этой проблемой сталкивался каждый, писавший на общественные темы. Вот что говорит Корнаи о своей наиболее известной книге «Дефицит»:

«Книга открывала ряд важных истин. Каждое слово я наносил на бумагу с сознанием, что пишу правду, только правду и ничего, кроме правды. Но я также знал, что всей правды она содержать не может» (с. 258).

И в другом месте:

«Самоцензура потребовала от меня болезненных жертв... Самоцензура — унижительный процесс» (с. 270).

Сотрудничать ли с коммунистическим режимом?

«Я не мог посвятить сердце и мозг частично выполнению функций эксперта, консультанта при правительстве (желая, чтобы

это правительство исчезло с политической сцены), а другую половину отдать науке... проблема выбора стала ведущим мотивом автобиографии...» (с. 295).

Впрочем, Корнаи оговаривается, что он, «возможно, слишком строго» разграничил роли эксперта-консультанта и ученого-исследователя (с. 294).

«Хорошо, что были реформаторы, пытавшиеся... помочь официальным руководителям... выбрать лучшее направление» (с. 299).

На мой взгляд, важная оговорка. Да и сам Корнаи не скрывает, что шел на компромиссы. Вот проблема, имеющая прямое отношение к предыдущей.

Принять ли государственную премию и орден от коммунистического правительства? Премию Корнаи принял, а орден — нет (с. 359). Здесь важно, что орден назывался «За социалистическую Венгрию». А если бы как-нибудь иначе?

Допустим ли мир с политическими противниками? Нижеследующие цитаты не требуют комментариев.

*«Мы поддерживали своеобразное *truga dei* (мораторий на военные действия) между различными группировками: мы вам вреда не принесем, но надеемся, что и вы нам не навредите. Живи и дай жить другим» (с. 222).*

«Существует радикальная точка зрения, согласно которой подобные „перемирия“ на местах были неприемлемым компромиссом и продлевали жизнь кадаровского режима. Может, и продлевали, но жизнь людям облегчали несомненно. Подобная оценка приводит нас к главному вопросу: должны ли люди подчинять стремление улучшить собственную жизнь великой общей цели — в данном случае, скорейшему свержению режима?» (с. 222).

Как относиться к доносчикам? Коммунистический режим пал, и встал вопрос о том, надо ли публиковать имена информаторов. Вот что пишет Корнаи:

«Любой, кого в чем-то подозревают или обвиняют, должен иметь возможность защищаться. Если человек считает, что подозрения и обвинения ложны, пусть отвергнет их. Если есть смягчающие обстоятельства, надо дать шанс их предоставить. Тот, кто подозревает или обвиняет, обязан подтвердить свои заявления — независимо от признания обвиняемого... При вынесении приговора следует учесть возможность апелляции и т. д. ...Я не могу огульно обвинять всех доносчиков, ведь я не в состоянии взвесить аргументы обеих сторон... Приговор я выносить не намерен. Мне чужда мысль о мести. Если я выдам имя информатора, то сам совершу преступление» (с. 183—184).

Дружба в авторитарной стране и на Западе.

«Тягостное недоверие удерживало меня от разговоров непосредственно на политические темы. Во мне еще были живы впечатления от допросов, в ходе которых обнаружилось, что близкий друг выдал следователям мои замечания к его работе, носившие идеологический характер. Мне было трудно избавиться-

ся от мысли: а вдруг человек, с которым я сейчас разговариваю, сделает потом то же самое» (с. 219).

«Впоследствии я никогда не позволял себе спонтанно и открыто высказывать свое мнение относительно важных политических новостей, не оценив предварительно, с кем имею дело» (с. 219).

«Представители интеллигенции не могли позволить себе дружбу с человеком, которого могли опасаться по политическим мотивам» (с. 151).

Мне не раз — и почти в тех же выражениях — приходилось объяснять моим западным коллегам разницу в понятии «дружба» в тоталитарных и демократических странах.

Я не исчерпал список затронутых в книге этических проблем. Вот еще две. Допустимо ли по просьбе рецензента самому писать в издательство отзыв на свою книгу (с. 262)? Допустимо ли пользоваться бытовыми привилегиями академика (с. 232)? На Западе такие проблемы в значительной мере теряли свою остроту, но не исчезали вовсе: «Могут ли университетские ученые тайне получать финансовую помощь для своей исследовательской работы от армии или спецслужб?» (с. 324); «Принимать или не принимать подарок от студента?» (с. 324). К счастью, в Гарварде, где работал Янош, соответствующие нормы поведения были уже выработаны. Но в Венгрии ему приходилось каждый раз мучительно искать границы компромисса с собственными нравственными нормами.

Может ли читатель что-либо извлечь из «частных случаев», описанных в неординарной биографии? Да, задумавшись над моральной проблемой, Вы уже сделали важный шаг к ее разрешению. А что касается самого решения, то я воспользовался бы здесь идеей прецедентного права: если заведомо уважаемый человек так поступил, то подобный поступок заслуживает рассмотрения как один из допустимых вариантов. Корнаи внес неоценимый вклад в копилку прецедентов.

Завершу этот раздел еще одним вопросом, который мучил многих из нас, живших при тоталитарном режиме: не эмигрировать ли на Запад? «Я... вижу сны на венгерском языке...» — таков ответ еврея Корнаи (с. 327).

Этические нормы и хозяйственный механизм

У меня на полке стоит небольшой сборник статей Яноша Корнаи „Contradictions and Dilemmas“ с дарственной надписью автора, изданный и присланный мне в 1985 г. Одна из статей меня особенно заинтересовала. Янош стремился показать, что эффективность и принципы социалистической этики («каждому по труду», «право на труд» и т. п.) несовместимы. В своих воспоминаниях он вновь возвращается к этой проблеме в связи с дискуссией об экономической реформе, развернувшейся в Венгрии в 1980-е годы. Тогда Корнаи отстаивал радикальный взгляд: «Все ухищрения реформаторов по скрещиванию общественной собственности и рыночной координации» тщетны (с. 302). Теперь он признает, что был излишне прямолинеен: венгерская «квазирыночная реформа оказалась неплохой подготовительной школой» (с. 307). Откровенный рассказ о своих сомнениях и признание собственных неточностей — немаловажная черта книги, заставляющая с особым доверием читать те места, где автор отстаивает свою правоту.

Идеология и экономическое исследование

Негативный опыт погружения в марксистскую идеологию не побудил Яноша броситься в другую крайность — «рыночный радикализм». Этот опыт заставил его отвергнуть идеологию при научном исследовании. Цитирую:

«...многие экономисты, специализирующиеся на сопоставлении общественно-политических и экономических систем, интересовались скорее теми исследованиями, где присутствовала политико-идеологическая составляющая или хотя бы подобный уклон... Они хотели видеть модели... способные продемонстрировать недостатки социалистической системы. Их куда меньше интересовало, почему социалистическая экономика, несмотря на свои дисфункциональные черты, способна продолжать свое существование» (с. 247).

«Особенным источником вдохновения стал для меня „Капитал“... Маркс был одним из первых, кто попытался распознать и объяснить глубоко специфичные дисфункциональные характеристики для конкретных политико-общественно-экономических систем. В этом смысле Маркс был и остается для меня примером» (с. 255).

«Социалистическая система — не империя зла, а капиталистическая система — вовсе не общественное воплощение гармонии, справедливости и свободы» (с. 402).

Методология научного творчества

Обобщение повседневного опыта. Осмысление причин своих успехов и неудач, методологии собственного научного творчества — еще одна сквозная тема автобиографии. Вот что пишет Корнай по поводу своей книги «Дефицит»:

«Я ставил перед собой задачу обобщить повседневный опыт и поднять его до уровня общей теории» (с. 256).

Обращение к повседневному опыту, пожалуй, и есть ключевая черта творческого метода Корнай, благодаря которой его работы стали классическими. Кстати, он следовал этому рецепту уже в своей кандидатской диссертации, основанной на многочисленных интервью рабочих и руководителей предприятий (с. 101–102). Для Венгрии 1956 г. это был поистине революционный метод. В книге «Сверхцентрализация управления экономикой», где излагались результаты диссертации, автор претендовал на решение «*новой, до сих пор не осуществленной задачи*» — «*описание того, как в реальности действует механизм нашей экономики*» (с. 102).

Конечно, для решения такой задачи требуется многое, и в частности — быть тонким наблюдателем. Корнай замечает, что для него воплощением экономики дефицита стал следующий факт: «*В Москве ...такси подъезжает (к стоянке около аэропорта. — В. П.), к нему бросаются пассажиры и спрашивают, куда едет водитель*» (с. 251).

Синтетический взгляд на экономические явления — характерная черта творческого метода Корнай. Он ясно осознает, что экономику, политическую власть и человеческие отношения надо рассматривать совместно.

«Верховенство производителей и продавцов ведет к деградации человеческих отношений. Бюрократия, таким образом, получает в распоряжение важный инструмент для усиления ее власти над людьми» (с. 257).

Изобретение новых понятий — их десятки в каждой книге Корнаи. «Давление», «подсос», «вегетативное управление», «ненасыщаемый спрос на капитальные вложения». Большинство из них не прижилось, но «мягкие бюджетные ограничения» ожидал триумф; это понятие вошло в тезаурус экономической теории. Общепринятым стало также понятие трансформационного спада.

Теперь несколько критических замечаний. Я не вполне понимаю, почему, говоря о двухуровневом планировании, автор не упоминает исторически первый алгоритм декомпозиции Данцига—Вулфа, а обсуждая концепцию дефицита, не ссылается на теорию неравновесия, развитую Я. Дрезом и французскими экономистами. Конечно, в автобиографии полнота ссылок не обязательна, и все же...

Не могу согласиться и с оценкой научной школы Л. В. Канторовича. «Советские ученые обещали создать „оптимальные планы“, но я подобным обещаниям не верил...» (с. 165). Такая характеристика советского экономико-математического направления представляется несправедливой. Мы, как и Корнаи, претендовали всего лишь на совершенствование плановых расчетов и в то же время пытались понять возможность децентрализации плановых решений. Ряд советских экономистов-математиков — В. Волконский, Ю. Гаврилец, С. Мовшович — уже во второй половине 1960-х годов стали использовать общую теорию равновесия, ближайшую родственницу теории объективно-обусловленных оценок Канторовича. Автор этих строк опубликовал в 1970 г. работу об эффективности рыночного обмена, а в 1973 г. предложил аксиоматическую характеристику конкурентного равновесия.

* * *

В книге Корнаи описаны целая эпоха и потрясающе богатая событиями жизнь: немецкая оккупация; работа в центральной коммунистической газете; изгнание; участие в создании газеты — рупора восстания 1956 г.; инициация крупных проектов (создание модели планирования для Венгрии в 1963 г. и макромоделей Венгрии — в 1974 г.); участие в венгерских реформах 1990 г.; контакты с великими экономистами — Дж. Хиксом, П. Самуэльсоном, К. Эрроу, Э. Маленво, Р. Стоуном, Я. Тинбергеном, Р. Солоу; чтение лекций в лучших университетах мира и работа в Гарварде; выполнение функций председателя Международного эконометрического общества и Международной экономической ассоциации.

В 1981 г. Л. В. Канторович попросил меня выступить у него на семинаре и рассказать о книге Корнаи «Дефицит». А при следующей встрече сказал: «Он будет нобелевским лауреатом». Я не знаю, сбудется ли его пророчество. Но, независимо от этого, все профессионалы понимают, что Янош Корнаи — выдающийся экономист нашего времени. И его рассказу «об одном интеллектуальном путешествии», полному драматизма и глубоких идей, суждена долгая жизнь.